

УДК 94 (477.75) «05/09»: 27-523-725

О численности сакральных сооружений и клира в византийском Херсоне VI–X вв.: предварительные итоги

Сорочан С. Б.

У статті розглядається питання про можливу чисельність сакральних споруд візантійського Херсону в VI–X ст. і кількість кліру в цьому церковному центрі Візантійської імперії. Узагальнивши відомості про всі відомі до теперішнього часу сакральні споруди Херсона, автор приходить до висновку, що місто нараховувало в другій половині VI – першій половині VII ст. близько 30 сакральних пам'яток, після чого кожного сторіччя до них додавалося по дві-три споруди. Їх загальна кількість до X ст. перевищила 40. У кожній з них служило в середньому по 13-15 кліриків, а їх загальна кількість сягала 500-600 чоловік, що становить 1/10 від усього населення міста. Це дозволяє поставити Херсон в один ряд з іншими провінційними церковними центрами Імперії, але не серед провідних, а серед основної маси таких центрів.

Ключові слова: Візантія, Херсон, клір, церковний центр.

Сорочан С. Б. О численности сакральных сооружений и клира в византийском Херсоне VI–X вв.: предварительные итоги. В статье рассматривается вопрос о возможной численности сакральных сооружений византийского Херсона в VI–X вв. и количестве клира в этом церковном центре Византийской империи. Обобщив сведения о всех известных к настоящему времени сакральных сооружениях Херсона, автор приходит к выводу, что город насчитывал во второй половине VI – первой половине VII вв. около 30 сакральных памятников, после чего каждое столетие к ним добавлялось по два-три сооружения. Их общее количество к X в. превысило 40. В каждом из них служило в среднем по 13-15 клириков, а их общее число достигало 500-600 человек, что составляет 1/10 от общего числа населения

© Сорочан С. Б., 2013

города. Это позволяет поставить Херсон в один ряд с прочими провинциальными церковными центрами Империи, но не среди ведущих, а среди основной массы таких центров.

Ключевые слова: Византия, Херсон, клир, церковный центр

Sorochan S. About the number of ecclesiastical buildings and clergy in the Byzantine Kherson VI–X centuries: Preliminary results. The article discusses the possible number of Byzantine ecclesiastical buildings of Kherson in VI–X centuries and the number of clergy in this church center of the Byzantine Empire. After summarizing the information about all currently known Kherson ecclesiastical buildings, the author comes to the conclusion that in the second half of VIth – the first half of VIIth century the town had about 30 sacred sites, and then each century two or three buildings were added. Their total number by the tenth century exceeded 40. In average in each of them 13-15 clergymen served and their total number reached 500-600 clerics, that is 1/10 of the total city population. It allows to put Kherson in one row with other provincial ecclesiastical centers of the Empire, but not among the top, rather among the majority of those centers.

Key words: Cherson, Byzantium, Cherson, clerus, the Charch centre.

Постепенно накапливающиеся новые наблюдения, проделанные многолетние изыскания все более укрепляют давно назревающий вывод о том, что многочисленные работы по сооружению, перестройке, ремонту городских оборонительных сооружений, общественных построек, разнообразных культовых, производственных комплексов, жилых усадеб, хозяйственных, складских, кладовых помещений, какие практически непрерывно в том или ином объеме осуществлялись в византийском Херсоне и его округе в течение VI–X вв., давали средства существования местным наемным артелям строителей – иконодочников, каменщиков, штукатуров и прочих «специалистов зубатки и мастера» [19, с. 680-1030, там же подробно историография вопроса]. Стоит отметить, что строить купола храмов при всей простоте и эффективности методов их возведения

требовались хорошие мастера, опытные ремесленники - практики, с этим бы не справился любой каменщик. О том же свидетельствует преобладание в херсонских храмах ранневизантийского времени более сложной пятигранной апсиды¹. Только сохранением прочных основ развитого строительства можно объяснить особое обилие со второй половины IX в. черепицы с рельефными буквенными, фигурными метками, обнаруживаемыми в изобилии при раскопках. Такие находки указывают на возникшую на месте ремесленную традицию вести фиксацию разновременных партий подобной продукции перед обжигом, - традицию, не встречаемую в эту эпоху более нигде за пределами Таврики и продержавшуюся в Херсоне довольно долго, несколько столетий [26, с. 65-67, рис. 22; 13, с. 115-116, 121-122, 125-130, рис. 43; 44, 2; 45]. Частые случаи изменения замысла в ходе работы, достройки, перестройки, относимые по авторитетному мнению Р. Остерхаута, к специфике византийской «изменчивой», аддитивной формы проектирования, тоже подтверждают непрерывность процесса движения здешних архитектурных форм [ср.: 28, р. 86-127]. Общий взгляд на эти формы к настоящему времени достаточно полон, для того, чтобы перейти на новый уровень исследований, которые никак не увязываются с заявлением о прекращении строительства в «обезлюдившем, обнищавшем и словно вымершем» городе вплоть до X в. [ср.: 25, с. 162-172]. Напротив, можно согласиться теми, кто, как профессор Н. П. Кондаков, имели веские основания полагать, что «...лучший строительный период и, по-видимому, наиболее блестяще время Херсонеса приходится на VII–IX столетия», а точнее, на конец VI–IX вв. [16, с. 15; 4, с. 232].

¹ Пятигранная апсида прослеживается у раннего храма на месте базилики 1935 г., у центральной апсиды базилики 1932 г., базилики № 28 на агоре, Западной, Северной, Восточной базилик, у апсиды молельни около Восточной базилики (№ 17 по нумерации Р. Х. Лепера), ранней «базилики на холме», Уваровской базилики (№ 23) и восточной апсиды соседнего с ней баптистерия (№ 24). С уверенностью можно говорить, что округлую апсиду среди базилик VI–VII вв. имели только базилика № 17 и «базилика в базилике», то есть явное меньшинство. В поздних памятниках XII–XIII вв. пятигранная апсида прослеживается в Херсоне лишь раз, в виде апсиды пристенной церкви или молельни «Леонтия (Лаврентия)» (№ 38) у 19 куртины «цитадели» [20, с. 539-540].

И так, попробуем перейти от частных и суммировать накопленные аргументы в пользу этого вывода. Это тем более важно, что такого рода анализ позволяет высказать хотя бы ориентировочное предположение об общей численности сакральных общественных сооружений в Херсоне в этот период и, исходя из установленной численности, определить количество, а значит, и пропорциональное соотношение местного клира. В свою очередь, это позволит четче представить размеры данного провинциального ромейского города как церковного центра и центра паломничества, а значит, продвинуться в дальнейших исследованиях по этому пути.

Начнем с того, что уже для конца IV–VI вв., периода переходного от позднеантичного к раннесредневековому, с определенной долей уверенности можно говорить о постройке и существовании в городе раннего храма апостола Петра (на месте будущей Восточной базилики № 36, “около купели”), храма св. великомученика, вероятно, Феодора или Георгия в общественно-административном комплексе у Южных ворот, храма св. Луппа-воина, храма св. Лонгина и храма св. Фоки (судя по находкам форм для оттиска евлогиев VI в.), а также раннего христианского однефного храма с вимой, нартексом, южным боковым пастофорием и пятигранной апсидой на месте базилики 1935 г., сооруженного в основном из саманных кирпичей и, вероятно, перестроенного в камне в третьей четверти – конце V в. Надо полагать, их декору принадлежали те мраморные ионические, композитные, коринфские капители-импосты с листьями аканфа, протомы животных или птиц, иногда украшенные хризмой, фрагменты балюстрады, парапета амвонов, тоже с хризмой или рельефными сенами из жизни апостола Петра, которые в массе можно датировать первой половиной, серединой, второй половиной, концом V в. и особенно первой половиной VI в. [подр. см.: 24, с. 189-190].

Но пик активности возведения христианских культовых сооружений, куда попало и указанное мраморное наследие предыдущих веков, пришелся на вторую половину VI – первую половину VII вв. Это в корне противоречит заявлению

об ослаблении связей города с Византией и о частичной реставрации в нем языческих представлений [ср.: 3, с. 74-75]. Именно к этому времени была построена основная масса базилик, число которых выросло по меньшей мере в четыре – пять раз (до 12), сооружены здания центрического типа – октогональная купольная крещальня при кафедральном кафоликоне № 23 на северном берегу, объемный, тоже купольный, тетраконхиальный, теофанический храм-меморий (№ 47) в западной части города, а также подвергся кардинальной перестройке прежний загородный храм Богоматери Влахернской, который принял крестовидную форму и вскоре украсился великолепной напольной мозаикой. Четыре из крупнейших, самых значительных храмов города (базилика № 23 на северном берегу, освященная во имя свв. Апостолов Петра и Павла; базилика № 28 на большой агоре; Западная базилика № 13 – церковь во имя св. муч. Леонтия Киликийского; крестовидный храм № 19 на месте античного театра) имели мраморные амвоны не редуцированного, константинопольского типа, на которых проходила первая часть литургии (литургия оглашенных, литургия Слова). Позже в трех из них (кроме базилики № 28) был устроен высокий, вместительный ступенчатый синтрон с архиерейским седалищем, что указывает на многочисленность их старшего клира, особую парадность служб по некоторым дням и сохранение ведущей роли большинством из этих кафоликонов – «филиалов» главного епископального храма свв. Апостолов². О том же говорит присутствие в них или рядом с ними баптистериев, выстроенных преимущественно во второй половине VI - первой половине VII вв., число которых к концу раннего средневековья достигло, вероятно, шести-девяти (около Уваровской, Восточной, Западной базилик, базилики № 28, базилики фемного претория, а также в базилике 1935 г., «базилике

² Отсутствие синтрона в базилике № 28 объяснимо тем, что роль епископского кафоликона на агоре вскоре перешла к крестовидному храму № 27, который, очевидно, был освящен во имя св. муч. Василия [подр. см.: 21, с.170-193].

в базилике», «храме с ковчегом» и загородном храме Богоматери Влахернской), причем среди них были как крещальни чистого типа, так и крещальни-мртирии с углубленными или, напротив, поднятыми купелями. Все эти сооружения прекрасно вписались в оставшийся неизменным доминантный каркас застройки христианского Херсона, поскольку строительство велось в важнейших точках рельефа, с учетом исторической традиции и планировки, привязанной к очертаниям плато водораздела, пересекавшего город в направлении запад – восток [10, с. 167-169].

Не исключено, что объяснение «строительного бума», открывшего раннесредневековую пору истории, кроется в целом комплексе причин, сработавших разом: это и превращение Херсона в центр византийского дуката на крымской земле, и окончательное завершение процесса христианизации города, и решение проблемы канонизации первых херсонесских мучеников, епископов-подвижников, вообще, появление в городе значимых св. мощей, и обретение реликвиями смысла после того как им нашли места в подлинной истории, и необходимость в новых культовых зданиях вследствие обветшания прежних немногочисленных христианских храмов, построенных в конце IV-V вв., и бурный рост паломничества, и выделение государственных и церковных средств под программу такого крупномасштабного имперского строительства, и стабилизация политического положения в Таврике вследствие заключения мира с тюркским каганатом в 589 / 590 г., и, наконец, реакция на перенесенный катаклизм, который потребовал усиленных молений об избавлении в дальнейшем от опасности и ликвидации последствия очередного после 480 г. достаточно мощного землетрясения или, скорее, серии продолжительных, но с перерывами подземных толчков, сопровождавшихся разрушением, повреждением зданий по всей территории городища и человеческими жертвами. Судя по статистике периодичности таких сейсмических катастроф для Крыма и сведениям византийских историков для Константинополя и севера Малой Азии, такие толчки могли случиться как раз ко

второй половине VI в., а точнее, в 550-х гг.³ Только этим можно объяснить, почему оказались засыпаны многие рыбозасолочные цистерны с неиспользованными до конца остатками анчоуса, причем это обнаруживается даже там, где поблизости не велось возведение христианских храмов и, значит, херсонитам не было необходимости заниматься предварительной нивелировкой местности под их застройку. Насколько был мощным импульс к строительству можно судить по тому, что за сравнительно короткий срок, за четыре - пять десятилетий к началу VII в. в городе было сооружено свыше двух десятков одних только культовых построек, из них 11-12 базилик [19, с. 1016, рис. 394]. Следовательно, на одну постройку уходило в среднем три-четыре года и это был очень высокий темп, который трудно было выдерживать не столько физически, сколько экономически.

А. И. Романчук обратила внимание на свидетельство Льва Диякона о том, что для восстановления обрушившихся от страшного землетрясения в конце X в. купола и западного свода Великой церкви потребовалось шесть лет, что заставляет усомниться в масштабах строительной деятельности херсонитов [9, с. 91 (X. 10); ср.: 13, с. 62]. Даже если указанный срок относится только к работам в Св. Софии, а не к прочим разрушенным домам и селениям, о которых писал хронист, объективности ради следует учесть и другие примеры. Так, поздневизантийские задачники, отражавшие реальную практику жизни, указывали, что для строительства простого безордерного здания, дома, усадьбы было достаточно 30-50 дней [18, с. 246]. Разумеется, общественные здания требовали больше средств и усилий, но и они порой воздвигались весьма споро. Продолжатель Феофана сообщает, что в честь мятежника Вардана Турка, провозглашенного василевсом летом 803 г., был «построен и возведен храм», причем произошло это немногим более чем за месяц, так как Вардан поднял восстание 19 июля, а уже 8 сентября

³ Учитывая постоянное движение земной коры в крымской части Черноморья и принадлежность Крымского полуострова к числу вполне активных сейсмических областей эта причина представляется вполне вероятной [ср.: 17, с. 17-24]. О периодичности сейсмических катастроф с магнитудой 7-8 баллов [см.: 23, с. 160-161].

покинул свое войско [12, с. 8 (I. 3)]. Понятно, что этот храм в одной из малоазийских фем соорудили местные опытные, вполне квалифицированные иконодоты, для которых такие работы были не в новинку. Можно не сомневаться, что их херсонские коллеги по ремеслу не уступали им в опытности и сноровке.

С ликвидацией последствий катаклизмов увязывается и необычайный размах гражданского жилого строительства, зафиксированный во второй половине VI – первой половине VII в. практически во всех кварталах города [подр. см.: 19, с. 711-756]. Косвенно это указывает, что людские потери в результате стихийного бедствия оказались не очень значительными, менее четверти населения, и живой потенциал города довольно быстро восстановился. Затем каждое столетие к сложившемуся фонду не прекращавших своего существования общественных зданий, в которых культовые составляли большинство (по нашим подсчетам, не менее 26 памятников), добавлялось как минимум два-три храма, молельни, евктириона, преимущественно монастырских, так что в итоге к первой половине X в. общее количество церковных сооружений только в одном Херсоне, без учета его сельской периферии, превысило четыре десятка [см.: 19, с. 1026-1028, Список общественных сооружений Херсона в VI–X вв.]. Плотность прихожан на храм сократилась в среднем в два раза, примерно со 150 до 300 на храм. Большое количество церковных сооружений уже само по себе говорит о многочисленности клира. Нет оснований сомневаться в том, что, как и в большинстве других византийских городов, он насчитывал не менее одной десятой, а иногда и четверти численности населения [8, с. 17]. В этом случае в раннесредневековом Херсоне с его примерно 6 000 населения жило не менее 500-600 человек духовного звания, что соотносится с числом монастырей, храмов, церквей, мартириев, баптистериев и молелен (в среднем по 13-15 клириков на каждый из 37-38 известных к настоящему моменту раннесредневековых храмов, молелен, мартириев VI–X в., которых может быть и больше, поскольку значительная часть территории городища еще не подвергалась раскопкам). Учитывая потребность в старших и особенно в младших служащих клира, – пресвитерах,

священниках, диаконах, диаконисах, иподиаконах, алтарниках, анагностях, певчих, канонархах, аколутах, могильщиках, игуменах, монахах и прочих, упоминаемых в византийских евхологиях, это число представляется не таким уж большим⁴. Для сравнения, в египетском Оксиринхе ранневизантийского времени, имевшем и площадь, и население в пять раз больше Херсона, на четыре десятка церквей приходилось 3000 клириков, то есть в среднем 75 человек на храм [ср.: 2, с. 274, 275]. Исходя из предложенных мной ориентиров и канонических требований пропорционального соотношения составляющих византийского клира, А. В. Латышева высказала предположение, что приблизительно 13% клира в Херсоне должны были составлять пресвитеры, священники, 41% – диаконы, диаконисы, иподиаконы, около 25% – чтецы; 4% – певчие и приблизительно 17% – остальные служители (сторожи, аколуты, могильщики и прочие) [7, с. 11-12].

Следовательно, говорить о «средневизантийском возобновлении» городской жизни и общественного строительства, как делают некоторые исследователи, в отношении византийского Херсона не приходится [ср.: 29]. «Коллапс городской жизни», якобы наступивший в Византии в первой половине VII в., если и был, то касался старых муниципальных, полисных институтов, но не внешних форм города и его памятников [ср.: 27, р. 41-42; 22, с. 50-51]. Перестройка общества, в том числе его духовной жизни, привела к тому, что ромеи стали строить меньше, но, подчеркнем, все же строили [ср.: 6, с. 29, 34]. Именно в «темные века» здесь появились такие новые общественные здания как крестовидный кимитирий-липсаноатека при Западной базилике, базилики № 26, № 32 и крестовокупольный храм № 29 на большой агоре, загородный крестовидный храм св. Созонта, гробничный евктирион в оконечности южной галереи Западной базилики, церковь или молельня в оконечности южного нефа Северной базилики, еще одна молельня, пристроенная к южной стене той же базилики, а в конце IX – начале X. вв. добавились базилика

⁴ Примерно столько насчитывал клир лишь одной Великой церкви в Константинополе.

с баптистерием при византийском претории в «цитадели» и загородный меморий св. Климента. И это перечислены только известные к настоящему времени объекты культового строительства, число которых было явно больше, особенно вдоль главной продольной улицы в западной части городища, если учесть последние данные аэрофотосъемки [14, с. 8, 12, 14, 26, 28; 15, с. 49]. Пример Херсона как раз объективно, убедительно показывает, что потенциал раннесредневекового провинциального строительства не был столь убог, как представляется некоторым византинистам, и мог обеспечить сооружение не только «мелких церквей и реставрацию более древних зданий» [1, с. 262].

Однако следует учесть, что уже к концу VII в. задача создания очень крупных, универсальных по замыслу сооружений, унаследованная от античного мира, ушла в прошлое. Храмы стали строить, как выразился В. М. Полевой, «по соображениям современных нужд», соответствовавшим новым материальным и культурным потребностям, когда место просторных публичных царских и епископских базилик заняли частные и монастырские храмы гораздо меньшего размера, с карликовыми пропорциями архитектурных элементов, рассчитанные на приобретающий все больший вес индивидуальный или семейный культ, интерьер которых мог рассматриваться как единое целое, а на первый план стали выдвигаться целесообразность и соответствие потребностям более камерного средневекового общества, масштабу компактного прихода, провинциального города, но не Империи [11, с. 211-212; 5, с. 226; 28, р. 7-38]. Социально-эстетические вкусы начинают все больше ориентироваться на интимное общение с Божеством. В то же время процесс унификации, консолидации и упрощения литургии привели к тому, что постепенно городские обрядовые шествия и ритуалы стали разыгрываться в значительно сократившемся пространстве, потеряли свою массовость, «уличность», а само богослужение стало более индивидуализированным [22, с. 87-88]. Как подытожил в своем исследовании Р. Остерхаут, «новые, небольшие, масштабы архитектуры идеально отвечали запросам

благочестивого частного человека в закрытом обществе» [28, р. 272]. Так что и тут по меркам эпохи у херсонитов все обстояло в порядке, а их город по численности сакральных сооружений и клира входил в основную массу провинциальных церковных центров Империи.

Примечания

1. *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии / О. Р. Бородин. – СПб., 2001.
2. *Гийу А.* Византийская цивилизация / А. Гийу. – Екатеринбург, 2005.
3. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси / В. М. Зубарь, Ю. В. Павленко. – К., 1988.
4. *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк / Е. Э. Иванов // ИТУАК. – Симферополь, 1912. – Т. 46.
5. *Каждан А. П.* Два дня из жизни Константинополя / А. П. Каждан. – СПб., 2002.
6. *Каждан А. П.* История византийской литературы (650 - 850 гг.) / А. П. Каждан, Ф. Шерри Ли, Х. Ангелиди. – СПб., 2002.
7. *Латишева О. В.* Християнська Церква та релігійне життя у візантійському Херсоні (VI-X ст.): Автореф. дис. ... канд. істор. наук: 07.00.02 – всесвітня історія / Харківський нац. ун-т імені В. Н. Каразіна. – Харків, 2009.
8. *Лебедева Г. Е.* К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества / Г. Е. Лебедева // ВВ. – 1992. – Т. 53.
9. *Лев Диакон.* История / Лев Диакон [пер. М. М. Копыленко, коммент М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова]. – М., 1988.
10. *Лосицкий Ю. Г.* О доминантном каркасе застройки средневекового Херсонеса / Ю. Г. Лосицкий // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002.
11. *Полевой В. М.* Искусство Греции: 2-х т. / В. М. Полевой. – М., 1984. – Т. 1.
12. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописание византийских царей / Продолжатель Феофана [изд. Я. Н. Любарского]. – СПб., 1992.

13. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона / А. И. Романчук. – Екатеринбург, 2000.
14. *Романчук А. И.* Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части городища Херсонеса Таврического в 2005 г. Научный доклад / А. И. Романчук, В. А. Филиппов. – Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005.
15. *Романчук А. И.* Топография торжественных религиозных процессов в византийском Херсоне (возможности аэрофотосъемки для выявления памятников западного района городища) / А. И. Романчук, В. А. Филиппов // Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. VIII Международ. Крым. конф. по религиовед. - Севастополь, 2006.
16. *Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым.* – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева.
17. *Слудский А. Ф.* Исторический очерк землетрясений в Крыму / А. Ф. Слудский // Крым. – М.; Л., 1928. – № 1 (5). – Вып. 1.
18. *Сорочан С. Б.* Византия IV-IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. / С. Б. Сорочан. – Харьков, 2001.
19. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / С. Б. Сорочан. – Харьков, 2005. – Ч. 1-2.
20. *Сорочан С. Б.* Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Севастополь, 2006.
21. *Сорочан С. Б.* Об архитектурном комплексе большой агоры византийского Херсона / С. Б. Сорочан // ВВ. – 2009. – № 68 (93).
22. *Тафт Р. Ф.* Византийский церковный обряд / Р. Ф. Тафт. – СПб., 2000.
23. *Фирсов Л. В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического / Л. В. Фирсов. – Новосибирск, 1976.
24. *Хрушкова Л. Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) / Л. Г. Хрушкова // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88).
25. *Якобсон А. Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса / А. Л. Якобсон // ВВ. – 1988. – Т. 49.
26. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым / А. Л. Якобсон. – М.; Л., 1964.

27. *Angold M.* Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages / M. Angold. – New York, 2001.
28. *Ousterhout R.* Master Builders of Byzantium / R. Ousterhout. – Princeton, N. J., 1999.
29. *Zanini E.* Introduzione all'archeologia bizantina / E. Zanini. – Roma, 1994.

